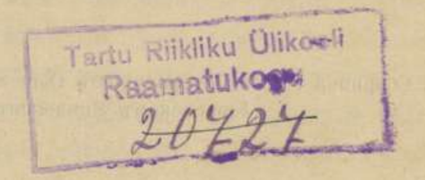
Л. К. Ильинскій.

Памяти Н. И. Пирогова.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1905.

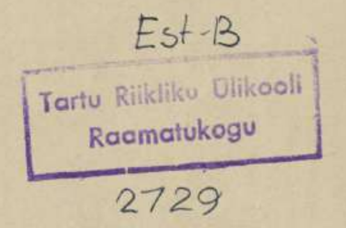
Л. К. Ильинскій.

Памяти Н. И. Пирогова.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1905.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. IX.

При открытии Кружка [1]), ставящаго своею задачею разработку педагогическихъ вопросовъ, не лишне и вполнѣ во́ время вспомянуть и старыхъ дѣятелей педагогики, дѣятелей прошлаго. Особенно тѣхъ, кто начиналъ у насъ это дѣло, старался поставить его на надлежащую почву, кто, недовольный тѣмъ, что́ его окружаетъ, старался „проложить себѣ новые пути“.

1) Настоящая статья — первый студенческій рефератъ, читанный въ засѣданіи недавно открытаго при нашемъ Университетѣ студенческаго Педагогическаго Кружка. Въ теченіе менѣе мѣсяца Кружокъ имѣлъ 3 засѣданія. Были доложены рефераты — „Коменскій и Руссо“ (проф. И. И. Квачала), „К. Д. Ушинскій“ (студ. Тихомировъ), „Памяти Н. Ѳ. Бунакова“ (студ. Ильинскій и студ. Путинцевъ), „Дѣтскій міръ въ произведеніяхъ Никитина“ (студ. Путинцевъ). Послѣдній рефератъ вызвалъ оживленные дебаты, чему немало способствовало назначеніе оппонентовъ, ознакомившихся заранѣе съ трудомъ. Одинъ рефератъ (студ. Соколова) „О дѣятельности Москов. Педагог. Общества“ былъ отложенъ. Для ближайшихъ засѣданій были назначены и отчасти разработаны нѣкоторые вопросы спеціальнаго характера — по техникѣ преподаванія (по преподаванію грамматики — студ. Гальковскій, по веденію уроковъ исторіи — студ. Дрейманъ, объ условіяхъ выразительнаго и худож. чтенія — студ. Козицкій и пр.) Предположено было устраивать засѣданія какъ можно чаще, при чемъ не ограничиваться самостоятельными рефератами, но и подвергать обсужденію выдающіяся педагог. сочиненія, особенно по отдѣльнымъ вопросамъ педагог. техники.

Остается пожелать, чтобы настоящая печатаемая статья явилась началомъ ряда другихъ печатныхъ трудовъ членовъ нашего Кружка.

Руководитель Кружка Доцентъ Н. Грунскій.

Къ числу такихъ дѣятелей въ области нашей русской педагогики несомнѣнно принадлежалъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Его тѣмъ болѣе не лишне и во́ время вспомянуть теперь намъ, что имя его тѣсно связывается, правда, по другому поводу, съ именемъ г. Юрьева-Дерпта и нашего Университета.

Н. И. Пироговъ не былъ педагогъ по профессіи. Медикъ-анатомъ, спеціалистъ-хирургъ, онъ первую половину своей жизни посвятилъ себя исключительно на служеніе любимой имъ наукѣ — медицинѣ, профессорствуя сначала въ Дерптѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ. Его интересы вращались преимущественно въ кругу медицины. Изъ его дневника можно видѣть, какъ мало онъ интересовался педагогическими вопросами. Ничто не говорило, что изъ знаменитаго хирурга выйдетъ хорошій педагогъ. Его первый практическій опытъ воспитанія былъ болѣе, чѣмъ неудаченъ: его воспитанникъ, какъ передавали Пирогову, получилъ мѣсто въ Московской полиціи. „Могъ-ли я ожидать,“ говоритъ съ горечью Пироговъ, „что сдѣлаюсь воспитателемъ квартальныхъ.“

Но занимаясь медициной, Пироговъ не былъ кабинетнымъ лишь ученымъ. Свои знанья онъ старался прилагать на практикѣ, быть, сколько возможно, полезнымъ обществу. Съ этою цѣлью онъ учредилъ, напр., свои хирургическія поѣздки по Прибалтійскому краю, — это, такъ называемыя, „Чингизхановы нашествія“, названныя такъ по массѣ производимыхъ операцій и по массѣ проливаемой при этомъ крови. То же желанье принести своими знаньями пользу заставило Пирогова отправиться и въ Крымъ, на театръ военныхъ дѣйствій. Что сдѣлалъ Пироговъ въ Крымскую кампанію для больныхъ и раненыхъ, — говорить, конечно, лишне: это извѣстно всѣмъ.

Крымская кампанія, кромѣ того, что доставила Пирогову извѣстность и славу, сыграла въ его жизни и другую роль. Это время было, такъ сказать, поворотнымъ пунктомъ въ жизни и дѣятельности Пирогова. 1856-й годъ можно считать началомъ его педагогической дѣятельности. Въ этомъ году на

страницахъ спеціальнаго журнала — „Морской Сборникъ“ — появляется первая его педагогическая статья — „Вопросы жизни“.

Надо замѣтить, что время, когда появилась статья Пирогова, было временемъ сильнаго подъема, сильнаго стремленія нашего общества къ прогрессу. Неудачная война показала самымъ дѣломъ, какъ мы отстали отъ Европы. Всѣ тѣ, кто предъ войной былъ увѣренъ въ превосходствѣ Россіи надъ врагами, вѣрилъ въ могущество русскихъ шапокъ, теперь поняли, какъ подобная увѣренность не соотвѣтствовала фактамъ. Прогрессъ Россіи былъ только кажущійся. Первый ударъ враговъ, — и мечты о превосходствѣ и прогрессѣ Россіи разлетѣлись. Наступило время горькаго разочарованія. Но разочарованіе не было безнадежнымъ. Вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ полной своей отсталости, вспыхнулъ сильный порывъ впередъ, къ прогрессу. Съ безпощаднымъ самоосужденіемъ явилось и желанье передѣлать, перевоспитать себя и, какъ можно скорѣе, поднять свое отечество, униженное предъ Европой.

Въ это-то время, отвѣчая назрѣвшимъ потребностямъ общества, и выступаетъ Пироговъ съ своими „Вопросами жизни“, съ своимъ, въ буквальномъ смыслѣ „новымъ словомъ“. „Трудъ этотъ,“ — говоритъ В. Я. Стоюнинъ — „вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію, касаясь не одного какого-либо учрежденія, не одной какой-либо стороны жизни, а самыхъ основныхъ вопросовъ тогдашней русской жизни“ [1]).

Впечатлѣніе, произведенное статьей Пирогова, было громадное. „Вопросы жизни“ — по словамъ Н. А. Добролюбова, — „поразили всѣхъ — и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью г. Пирогова, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ

1) В. Я. Стоюнинъ. „Педагогическія задачи Пирогова“. Ист. Вѣстн 1885 г. кн. IV. стр. 167.

о ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы.“ Это „тѣмъ болѣе замѣчательно, — прибавляетъ критикъ далѣе, что статья Пирогова вовсе не отличается какими нибудь сладкими разглагольствованіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говоритъ о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ, вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ [1]).

Пироговъ выступилъ со своею статьей уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, умудренный опытомъ, знатокомъ жизни и людей. Всматриваясь глубоко въ жизнь, присматриваясь къ людямъ, наконецъ, будучи въ качествѣ хирурга на войнѣ, гдѣ приходилось ему сталкиваться съ людьми, власть имущими, и самымъ дѣломъ узнать весь механизмъ жизни Россіи, Пироговъ понялъ, чего главнымъ образомъ не хватаетъ Россіи для истиннаго прогресса — не хватаетъ ей людей. „Оказалось, что знаменитый хирургъ, — говоритъ В. Я. Стоюнинъ, — не только разсѣкалъ человѣческія тѣла и анализировалъ ихъ; но онъ точно также анализировалъ и цѣлое человѣческое общество, — и тѣло и душу его и нашелъ тамъ застарѣлыя болѣзни, которыя нужно было лѣчить радикальными средствами“ [2]). Анализируя общество, Пироговъ находилъ, что оно, въ сущности, представляетъ изъ себя инертныя толпы — большія и мелкія. Общее между всѣми этими, двигающимися по инерціи, толпами одно — отсутствіе истиннаго идеала. Членамъ толпы не доставало одного общаго идеала — идеала человѣка-гражданина. Воспитаніе и школа шли лишь за жизнью и требованіями ея — они приготовляли чиновниковъ различныхъ категорій,

1) Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изд. 2-е. СПб. 1871 г. Т. I. стр. 237—238.

2) Стоюнинъ. „Педагогическія задачи Пирогова“. Ист. Вѣстн. 1885 г. IV кн. стр. 167—168.

нисколько не заботясь о приготовленіи людей. При такомъ положеніи дѣлъ ждать истиннаго прогресса, конечно, невозможно. Истинный прогрессъ возможенъ лишь при наличности существованія людей — гражданъ, преданныхъ дѣлу и родинѣ. Таковъ былъ діагнозъ знаменитаго хирурга. Радикальнымъ средствомъ избѣжать этого недостатка въ будущемъ, по мнѣнію Пирогова, являлась перемѣна системы воспитанія. Нужно позаботиться о воспитаніи людей-гражданъ, а не чиновниковъ. Только въ этомъ случаѣ мы можемъ разсчитывать на прогрессъ. „Истиннаго прогресса мы можемъ достигнуть однимъ единственнымъ путемъ воспитанія" (Сочин. т. II. стр. 62).

Пироговъ не далъ намъ цѣльной, систематической теоріи воспитанія. Онъ не былъ педагогъ-теоретикъ, да въ то время, когда онъ выступалъ на педагогическое поприще, и не нужны были теоріи. Время требовало не теорій, а дѣла. Нужна была разработка тѣхъ педагогическихъ вопросовъ, которые болѣе всего касались жизни, представляли большую практическую важность. Это и сознавалъ Пироговъ и въ своихъ чисто-педагогическихъ статьяхъ онъ трактуетъ лишь о вопросахъ, прямо соприкасающихся съ жизнью и дѣйствительностью.

Но хотя у Пирогова мы не находимъ строго выдержанной системы воспитанія: онъ затрогивалъ не всѣ его стороны; тѣмъ не менѣе его педагогическія статьи представляютъ глубокій интересъ. Пироговъ былъ глубокій мыслитель, знатокъ жизни и людей, человѣкъ съ философской складкой ума. Это былъ „человѣкъ" въ полномъ смыслѣ этого слова и въ высшей степени владѣлъ тѣми основными свойствами, безъ которыхъ, въ сущности, немыслимъ педагогъ. Это-то и даетъ его педагогическимъ статьямъ по самымъ разнороднымъ вопросамъ воспитанія — внутреннее единство; во всѣхъ его статьяхъ есть одинъ основной взглядъ.

Я не буду излагать всѣхъ взглядовъ Пирогова на разнообразные вопросы педагогики, не буду даже затрогивать всѣхъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ трактовалъ Пироговъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ: это потребовало бы слишкомъ много

времени. Пироговъ отзывался на всѣ животрепещущіе вопросы педагогической практики того времени, — кстати сказать, — вопросы, имѣющіе значеніе вопросовъ и до сего дня. Каждый въ отдѣльности вопросъ, затронутый Пироговымъ, могъ бы быть предметомъ спеціальнаго реферата. Я же остановлюсь лишь на томъ принципѣ, который былъ положенъ Пироговымъ въ основу разрѣшенія педагогическихъ вопросовъ и который онъ проводилъ въ своей педагогической практикѣ, будучи попечителемъ сначала Одесскаго, а затѣмъ Кіевскаго учебныхъ округовъ.

Въ одной изъ рѣчей, сказанныхъ Пирогову при его прощаніи съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ, ораторъ, подводя итоги всему, что говорилось до него, замѣчаетъ: „прислушиваясь къ рѣчамъ, только что произнесеннымъ, я не могъ не замѣтить одной идеи, ихъ проникающей. Присутствующіе высказались ясно, что началомъ вашей многосторонней дѣятельности было полное уваженіе къ человѣку“ (Сочин. т. II стр. 543).

Уваженіе къ человѣку, довѣріе къ человѣческой личности и вѣра въ личность, — вотъ основной, руководящій принципъ всей дѣятельности Пирогова, какъ педагога. Тотъ же принципъ онъ проводилъ и въ своихъ статьяхъ по педагогическимъ вопросамъ, того же онъ требовалъ и отъ воспитателей юношества. „Могли-ли мы всѣ, — говорилъ онъ, прощаясь съ Кіевскимъ округомъ, — могли-ли мы всѣ, какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ, не уважать человѣческое достоинство, нравственную свободу духа и личность.“ (Сочин. т. II. стр. 432.)

Человѣческой личности Пироговъ придавалъ громадное значеніе въ жизни. Безъ вѣры въ личность и безъ ея свободнаго участья невозможны никакія реформы, никакой прогрессъ. „Я былъ свидѣтелемъ, — говоритъ онъ, — какъ весьма дѣльныя перемѣны въ уставахъ, но не поддержанныя личною силою исполнителей, остались безъ всякаго результата“ (Соч. т. II. стр. 103). „Для коренного преобразованія чего бы

то ни было нужны не одни новые законы, а новые люди. Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса, тотъ не долженъ много разсчитывать на дѣйствія такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которыя однѣ, сами по себѣ, хотя и бытро измѣняютъ, но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ, первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы — мертвая буква.“ (Сочин. т. II. стр. 102).

Значеніемъ личности въ жизни, ея ролью въ прогрессѣ опредѣляется и система, и строй воспитанія и образованія. Истинный прогрессъ предполагаетъ наличность живыхъ, личныхъ силъ — людей-гражданъ. Ихъ воспитаніемъ и нужно озаботиться прежде всего. Прежде и воспитаніе, и школа ставили своею задачею приготовлять спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанья. Ненормальность такой постановки теперь очевидна. Заботясь о приготовленіи чиновниковъ, школа не приготовляла людей. Родители съ самаго ранняго возраста приготовляли дѣтей къ извѣстной спеціальности, не заботясь объ ихъ общечеловѣческомъ образованіи. Новое время предъявляетъ и новыя требованія. Отрицать совершенно спеціальное образованіе, игнорировать имъ, конечно, нельзя, но слишкомъ ранняя спеціализація вредна. Сначала надо дать общечеловѣческую основу. „Дайте сначала выработаться и развиться внутреннему человѣку, дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное у васъ будутъ люди и граждане. Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ по неволѣ, а невольный, преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привиллегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ“.

Такимъ образомъ, главною задачею образованія является — не выучка, а болѣе серьезная, болѣе глубокая задача — — сдѣлать насъ людьми. —

Что-же нужно, чтобы быть человѣкомъ? Настоящій человѣкъ долженъ разрѣшить себѣ вопросы жизни, потому что только „два рода людей не задаютъ себѣ вопросовъ при вступленіи въ жизнь: во первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привиллегію на идіотизмъ; во вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчекъ, двигаются по силѣ инерціи въ данномъ имъ направленіи. Хотя оба эти рода не принадлежатъ къ исключеніямъ въ обществѣ, но и не могутъ считаться правилами" (Сочин. т. II. стр. 3). Настоящему же человѣку нужно составить „опредѣленныя, твердыя убѣжденія, которыя бы и руководили всею жизнью". Средствомъ къ ихъ образованію служитъ „познанье самого себя и, по возможности, полное самопознанье."

Собственно, по мнѣнію Пирогова, отвѣты на всѣ вопросы, которые необходимо разрѣшить настоящему человѣку, должно дать воспитаніе. „Собственно воспитаніе должно бы было намъ класть въ ротъ отвѣты" (Соч. т. II. стр. 4). Тоже должна дать и школа.

Въ системѣ воспитанія школѣ Пироговъ отводитъ главное мѣсто. Онъ неудовлетворенъ тѣмъ положеніемъ школы въ ея отношеніи къ жизни, какое онъ видѣлъ въ дѣйствительности. Школа всецѣло подчинялась жизни. „Общество и государство, примѣнясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіей, употребляютъ школу, во первыхъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; во вторыхъ, какъ разсадникъ спеціалистовъ, ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей. Отцы, примѣняясь къ тому же направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: во первыхъ, чтобы воспитать ихъ для хлѣба . . . во вторыхъ, чтобы воспитать ихъ въ духѣ того сословія, къ которому принадлежатъ сами, и, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ" (Сочин. т. II стр. 285).

Такое взаимоотношеніе жизни и школы, когда „общество является потребителемъ, а школа фабрикою, приготовляющею

товаръ для потребленія" (Соч. т. II. стр. 284), Пироговъ считалъ ненормальнымъ. Школа воспитываетъ молодое поколѣніе, она способствуетъ выработкѣ ихъ міросозерцанія и идеала, — все, слѣдовательно, будущее поколѣніе въ ея рукахъ. Она-то и должна руководить жизнью, а не обратно. „Все будущее жизни находится въ рукахъ школы, и, слѣдовательно, ей принадлежитъ гегемонія" (Соч. т. II. стр. 285). Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ главенства школы надъ жизнью, долженъ рѣшаться вопросъ о ихъ взаимоотношеніи. „Прямое назначеніе школы, — говоритъ Пироговъ, — быть руководителемъ жизни на пути къ будущему" (Соч. т. II. стр. 286).

Убѣжденіе о превосходствѣ школы надъ жизнью, взглядъ на школу, какъ на руководительницу жизни, у Пирогова логически вытекаетъ изъ его взгляда на науку и научную истину. Наукѣ онъ приписываетъ не только образовательную, но и воспитательную силу. „Всякій, кто самъ учился не напрасно, долженъ знать по опыту, что въ каждой наукѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ каждой группѣ наукъ, есть своя образовательная сила, которая не останется безъ дѣйствія на духъ и на характеръ ученика" (Соч. т. II. стр 275). „Живое слово науки говоритъ не одному только уму, оно проникаетъ глубже и облагораживаетъ сильнѣе, чѣмъ всѣ оффиціальные и дисциплинарные надзоры" (Соч. т. II. стр. 404). „Въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадетъ, какіе бы ни были ея представители. Наука беретъ свое и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы. Въ этомъ всего лучше убѣждаютъ насъ люди, вынесшіе изъ школы одну привязанность — къ наукѣ, едва узнавъ первые ея начатки. Безъ всякаго надзора и приготовленія къ жизни, брошенные въ жизнь, въ борьбѣ съ лишеніями и нуждами они въ одной наукѣ находятъ и утѣшеніе, и крѣпость, и мужество въ борьбѣ" (Соч. т. II. стр. 394). „Если кто и воспитываетъ человѣка у насъ, то это только наука" (Соч. т. II. стр. 355).

Школа должна стремиться улучшить нравственность учениковъ, — это ея задача. Къ этому школа и стремилась

всегда, придумывая различныя, чисто нравственныя мѣры. Чтобы парализовать вредное вліяніе жизни на молодое поколѣніе, у насъ со временъ И. И. Бецкаго лучшимъ средствомъ стали считаться закрытыя учебныя заведенія. Но всѣ средства, какія не принимались съ этою цѣлью, въ большинствѣ случаевъ не достигали своей цѣли. Даже закрытыя учебныя заведенія не спасали воспитанниковъ отъ тлетворнаго вліянія жизни; оно проходило и чрезъ стѣны. Между тѣмъ въ рукахъ педагоговъ находилось и находится лучшее средство влiять на нравственность молодого поколѣнія — это наука. Обычно въ нашихъ школахъ воспитаніе и образованіе отдѣляется одно отъ другого. Кромѣ преподавателей науки есть цѣлый сонмъ воспитателей, и наука является лишь какъ средство пріобрѣтенія знаній, — и только. Между тѣмъ „наука нужна не для одного только пріобрѣтенія свѣдѣній, въ ней кроется — иногда глубоко, и потому для поверхностнаго наблюдателя незамѣтно — другой важный элементъ — воспитательный. Кто не сумѣетъ имъ воспользоваться, тотъ еще не знаетъ всѣхъ свойствъ науки и выпускаетъ изъ рукъ такой рычагъ, которымъ можно легко поднять большія тяжести“ (Соч. т. II. стр. 312). И въ школѣ, вмѣсто того, чтобы изобрѣтать различныя средства улучшенія нравственности, „не будетъ-ли надежнѣе . . . сосредоточить всѣ силы на распространеніе науки словомъ и дѣломъ? Не будетъ-ли вѣрнѣе вмѣсто всѣхъ попытокъ, столько разъ неудававшихся, улучшить нравственность путемъ чисто-нравственныхъ мѣръ, обратить всю дѣятельность на развитіе здраваго смысла путемъ науки? Развивъ его въ новомъ поколѣніи, намъ не нужно будетъ много опасаться за его нравственность, она всегда лучше тамъ, гдѣ болѣе здраваго смысла . . . а безъ здраваго смысла всѣ правила нравственности ненадежны“ (Соч. т. II. стр. 395).

Такимъ образомъ, если школа и оказываетъ и можетъ оказывать вліяніе на жизнь, улучшить нравы учениковъ, а, слѣдовательно, и всего будущаго поколѣнія, то этимъ вліяніемъ

она обязана наукѣ. „Школа одолжена своимъ мощнымъ вліяніемъ, — говоритъ Пироговъ, — наукѣ — и, — скажу прямо мое убѣжденіе, — одной только наукѣ“ (Соч. т. II. стр. 394).

Говоря о школѣ и ея значеніи, приписывая наукѣ и образовательную и воспитательную силу, считая ее средствомъ къ улучшенію нравственности будущаго поколѣнія, Пироговъ не могъ, конечно, обойти молчаніемъ и того важнаго вопроса, который и до сихъ еще поръ занимаетъ общество и до сихъ поръ является все еще неразрѣшеннымъ и неразрѣшимымъ вопросомъ, а не такъ давно вызывалъ горячіе споры и толки и въ обществѣ, и въ прессѣ. Я разумѣю вопросъ, каково должно быть образованіе въ школѣ — классическое или реальное?

Самъ лично Пироговъ высказывался за классическое образованіе, что и вызвало полемику съ нимъ К. Д. Ушинскаго. Но, высказываясь за классическое образованіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что для спора вопросъ этотъ является довольно труднымъ. Все зависитъ отъ личнаго убѣжденія, такъ какъ „преимущества и выгоды различныхъ способовъ образованія такъ очевидны и такъ значительны, что нѣтъ возможности въ настоящее время сказать, который лучше“ (Соч. т. II. стр. 295). При томъ же Пироговъ признавалъ, что, въ сущности, этотъ вопросъ не такой уже первостепенной важности, какъ кажется. Съ точки зрѣнія образованія общечеловѣческаго, на которой и стоялъ Пироговъ, вопросъ о классическомъ или реальномъ образованіи является неинтереснымъ, неважнымъ. „Если у васъ есть больное дитя, — говоритъ онъ, — то развѣ для васъ не все равно, по какой методѣ его будутъ лѣчить, — лишь бы возвратили здоровье. Для чего же вамъ спорить, хлопотать, теряться въ недоумѣніяхъ: что полезнѣе вашему сыну — учиться-ли по-латыни и по-гречески, или по-французски и по-англійски? Повѣрьте, въ рукахъ дѣльнаго педагога и древніе и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Ищите убѣдиться въ другомъ — и въ самомъ главномъ — въ личности людей, которымъ вы

повѣряете образованіе вашего сына. Посредствомъ-ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естествовѣдѣнія совершится общечеловѣческое образованіе вашего сына — все равно, — лишь бы сдѣлало его человѣкомъ“ (Соч. т. II. стр. 294—295).

Такъ просто, повидимому, разрѣшается вопросъ, изъ-за котораго много было сломлено перьевъ, много испорчено крови. Но это только „повидимому“. Подобнымъ разрѣшеніемъ вопросъ нисколько не разрѣшается, а только устраняется. Центръ тяжести переносится на другой предметъ — на личность преподавателя. „Ищите убѣдиться въ другомъ — и въ самомъ главномъ — въ личности людей, которымъ вы повѣряете образованіе вашего сына.“ Все дѣло, слѣдовательно, не въ классической или реальной системѣ, — а въ преподавателѣ. Теперь и вся забота должна обратиться на приготовленіе хорошихъ, дѣльныхъ педагоговъ. Личности преподавателя Пироговъ придаетъ въ дѣлѣ воспитанія громадное значеніе. „Никто, даже самые родители, не могутъ равняться по вліянію, оказываемому на молодые умы дѣльнымъ и любимымъ наставникомъ“ (Соч. т. II. стр. 404). А если это такъ, то и „нужно обратить вниманье на личность самихъ наставниковъ и серьезно заняться ихъ приготовленіемъ“ (Соч. т. II. стр. 113). Подготовка преподавателей, подготовка серьезная, научная и должна „быть теперь нашимъ краеугольнымъ камнемъ, если мы хотимъ жить въ будущемъ“ (Соч. т. II. стр. 307).

Я не буду подробно останавливаться на тѣхъ проэктахъ Пирогова, которые онъ высказывалъ по этому вопросу. Скажу только, что главнымъ средствомъ къ подготовкѣ дѣльныхъ педагоговъ Пироговъ считалъ педагогическіе курсы. На нихъ поступаютъ тѣ, кто стремится къ педагогической дѣятельности, но поступаютъ, окончивъ уже курсъ наукъ.

Но нельзя ограничиваться только подготовкой преподавателей, — это было бы лишь полумѣрой. Недостаточно подготовить наставниковъ, надо и поставить ихъ въ школѣ въ надлежащее положеніе. Педагогъ въ дѣлѣ воспитанія можетъ

играть громадную роль. Вліяніе наставника можетъ быть сильнѣе даже вліянія родителей. Но чтобы онъ могъ оказывать благотворное вліяніе на учениковъ, онъ долженъ внушить къ себѣ ихъ довѣріе. Безъ довѣрія со стороны учениковъ къ наставнику все дѣло воспитанія останется безрезультатнымъ. Но довѣріе учениковъ можетъ быть въ томъ только случаѣ, когда въ дѣйствіяхъ наставника будетъ бóльшая свобода, бóльшая самостоятельность. Только въ этомъ случаѣ онъ можетъ внушить къ себѣ довѣріе, какъ къ личности. Нужно „дать бóльшій просторъ дѣйствію личности наставниковъ“ (Соч. т. II. стр. 103).

Принципъ личности для Пирогова является принципомъ жизни. Все въ жизни должно быть построено на уваженіи къ человѣку, на твердой вѣрѣ въ личность. Самый прогрессъ не возможенъ, если не будетъ дана свобода личности, и личность не будетъ уважаема. „Первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности“. Тотъ-же принципъ уваженія къ личности, довѣрія къ ней долженъ быть положенъ и въ основу воспитанія, — съ самыхъ малыхъ лѣтъ нужно воспитывать въ человѣкѣ сознаніе личности, но и личность должна быть уважаема во всѣхъ — и въ ребенкѣ, и во взросломъ. „Если дѣти не имѣютъ ни силы, ни способовъ нарушать законы нашей жизни, то и мы не имѣемъ права безнаказанно и произвольно ниспровергать столь же опредѣленные законы міра дѣтей. Безъ сомнѣнія отцы и общество должны заботиться о будущности дѣтей, но это право ограничивается обязанностью развивать всецѣло и всесторонне все благое, чѣмъ надѣлилъ ихъ Творецъ. Другого права нѣтъ и быть не можетъ безъ посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ и во взросломъ“ (Соч. т. II. стр. 282).

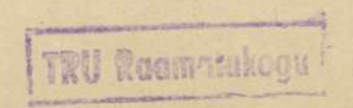
Изученіе законовъ міра дѣтей, изученіе личности человѣка, его характера, темперамента — это главное для педагога, и одно изъ условій успѣха воспитанія. Изучивъ воспитанника,

нужно и примѣняться къ его личнымъ особенностямъ, сообразно съ ними построить и планъ, и систему воспитанія. „Въ наше время, когда глубокіе умы посвятили себя изученію духовной стороны даже умалишенныхъ, когда начинаетъ обнаруживаться, что и эти отверженцы человѣческаго общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ въ немъ связей съ нашимъ, должны-ли мы, говорю, — именно теперь оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ.“ (Соч. т. II. стр. 74—75). Оставаясь хладнокровными къ собственному міру дѣтей, мы не должны расчитывать на успѣхъ воспитанія, и нечего удивляться, что мы изъ дѣтей получаемъ не то совершенно, что бы было нужно. „Съ дѣтскою жизнью, мы думаемъ, нѣтъ еще надобности много церемониться; ее можно, мы полагаемъ, и сжать, и расширить, какъ намъ угодно; ее можно влить въ какую угодно форму и изъ нея вылѣпить, что намъ, взрослымъ, заблагоразсудится“ (Соч. т. II. стр. 281). „Мы, взрослые, безпрестанно нарушаемъ гармонію дѣтскаго міра. Мы, насильственно врываясь въ него, переносимъ ребенка, на каждомъ шагу, къ себѣ, въ нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, наши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка. Мы отъ души восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребенокъ насъ понимаетъ, и сами не хотимъ понять, что онъ понимаетъ насъ по своему. Кто же теперь виноватъ, что мы такъ рано замѣчаемъ у нашихъ дѣтей несомнѣнные признаки двойственности души?“ (Соч. т. II. стр. 72). А между тѣмъ, задача воспитанія — воспитать нравственно-цѣльныхъ личностей, у которыхъ бы не было глубокой пропасти между „быть и казаться“.

Тѣмъ же принципомъ — уваженія къ личности должна руководствоваться и школа. „Жизнь школьника есть такая-же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ жизнь, какъ и жизнь взрослыхъ учителей“ (Соч. т. II. стр. 282). Въ школѣ

должна приниматься во вниманіе личность каждаго отдѣльнаго ученика; при преподаваніи должно имѣть въ виду индивидуальность воспитанниковъ. „Нельзя всѣхъ и каждаго стричь подъ одинъ гребень, а дѣйствовать нужно разумно, примѣняясь къ свойству самого предмета, къ личности и степени развитія ученика . . . . вотъ въ чемъ заключается главное дѣло педагогическаго искусства“ (Соч. т. II. стр. 277).

Но если гдѣ и нужно особенно провести принципъ уваженія и довѣрія къ личности, такъ это въ отношеніи самихъ преподавателей. Въ воспитаніи громадную роль играетъ личность преподавателя, и чѣмъ болѣе дано будетъ личности преподавателя простора, возможности дѣйствовать самостоятельно и независимо, тѣмъ лучше для дѣла. Воспитаніе все зиждется на нравственномъ довѣріи воспитанниковъ къ воспитателю — это краеугольный камень воспитанія, и если нѣтъ довѣрія, то все воспитаніе останется безъ результата. Но нравственное довѣріе учениковъ къ воспитателю возможно лишь тогда, когда воспитатель является живою, личною силою, когда онъ въ своихъ дѣйствіяхъ независимъ. Бюрократизмъ нигдѣ не приноситъ столько вреда, какъ въ дѣлѣ воспитанія: преподаватели, принужденные дѣйствовать по однообразнымъ и опредѣленнымъ отъ начальства предписаніямъ, невольно дѣлаются чиновниками; они лишаются возможности индивидуализировать, а съ этимъ вмѣстѣ дѣлается невозможнымъ и примѣненіе одного изъ самыхъ основныхъ правилъ педагогики — сообразоваться въ каждомъ данномъ случаѣ съ нравомъ, темпераментомъ и способностями воспитанника. Нужно „дать бóльшій просторъ дѣйствію личности наставниковъ“. Однимъ изъ средствъ поставить преподавателя въ надлежащее положеніе въ школѣ, чтобы онъ могъ оказывать должное вліяніе на учениковъ, Пироговъ считаетъ коллегіальное начало въ школѣ. Одно только коллегіальное начало можетъ хоть нѣсколько ослабить произволъ непосредственнаго начальства учебныхъ заведеній и дастъ большій просторъ дѣйствію коллегіи наставниковъ, а, увеличивъ значеніе цѣлой коллегіи наставниковъ, мы тѣмъ

самымъ увеличимъ значеніе и каждаго въ отдѣльности. И этимъ поднимется и значеніе науки, и все дѣло воспитанія. „Наставникъ же, не имѣющій голоса въ учебно-воспитательныхъ, а, слѣдовательно, въ административныхъ дѣлахъ училища, связанный по рукамъ и по ногамъ властью директоровъ и инспекторовъ, подвергается двумъ крайностямъ, обоюдовреднымъ для цѣлаго учрежденія: онъ или играетъ жалкую роль въ глазахъ учениковъ, или же старается вознаградить потерянный авторитетъ путемъ заискиванія у начальниковъ и стараньями пріобрѣсти популярность у учениковъ. А если онъ не избралъ ни той ни другой крайности, то впадетъ въ полную апатію, превращается въ наемника и будетъ считать себя лицомъ постороннимъ для цѣлаго дѣла. Не усиливъ сначала вліянія цѣлой коллегіи наставниковъ, можно-ли надѣяться усилить нравственное вліяніе и каждаго изъ нихъ? Не забудемъ еще, что дать большія права начальникамъ учебныхъ заведеній, у насъ значитъ поставить ихъ въ отношенія чисто бюрократическія къ подчиненнымъ имъ учителямъ . . . . а въ дѣлѣ науки и воспитанія все должно быть основано на призваніи, пониманіи дѣла и на дружномъ соединеніи для одной цѣли нравственныхъ и умственныхъ силъ всѣхъ воспитателей и наставниковъ. Не подчиненный долженъ быть учитель директору, а товарищъ въ общемъ дѣлѣ“ (Соч. т. II. стр. 403 до 404). „Не чиномъ, а одними только научными и педагогическими достоинствами долженъ директоръ отличаться и внушать къ себѣ уваженіе и сослуживцевъ, и общества“ (Соч. т. II. стр. 335).

Но мало дать наставникамъ право участія въ дѣлахъ административныхъ. Коллегіальность управленія школой, конечно, дастъ бо́льшую свободу ихъ дѣйствіямъ, бо́льшую ихъ самостоятельность, а, какъ слѣдствіе этого — они будутъ пользоваться и бо́льшимъ авторитетомъ и бо́льшимъ довѣріемъ со стороны учениковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ преподаватели будутъ и къ своему дѣлу относиться болѣе добросовѣстно. Кромѣ того наставникамъ необходимо всецѣло поручить веденіе

учебнаго дѣла. „Нужно дать право каждому учителю выразить свое мнѣніе о способѣ и объемѣ преподаванія своего предмета“ (Соч. т. II. стр. 406). Кому, конечно, лучше знать предметъ и способъ и объемъ его преподаванія, какъ не преподавателю? Онъ лучше знаетъ и предметъ, и своихъ учениковъ, и, сообразуясь съ ихъ способностями, установитъ объемъ и способъ преподаванія предмета и, притомъ, не съ бо̀льшимъ-ли рвеніемъ, не съ бо̀льшею-ли любовью преподаватель будетъ вести свое дѣло, если это дѣло всецѣло поручено ему безъ регламентаціи со стороны? Страхъ, что нѣкоторые преподаватели, по своимъ личнымъ качествамъ, не могутъ внушить къ себѣ довѣрія и опасно дать имъ самостоятельность, излишенъ. Изъ того, что для нѣкоторыхъ нужна опека, нельзя выводить правило о необходимости опеки надъ всѣми. „Лучше оказать болѣе довѣрія и тѣмъ, которые его не совсѣмъ заслуживаютъ, нежели мало довѣрять вполнѣ заслуживающимъ“ (Соч. т. II. стр. 340). Преподавателю же, и только ему, нужно вполнѣ довѣрить и оцѣнку успѣховъ учениковъ. Экзамены, какъ таковые, не достигаютъ своей цѣли — опредѣлить степень знанья учениковъ, а, кромѣ того, они, являясь какъ бы контролемъ надъ преподавателемъ и его системой преподаванія, ни о чемъ иномъ не говорятъ, какъ только о недовѣріи къ личности преподавателя. „Однимъ наставникамъ исключительно должно поручаться рѣшеніе вопроса о способѣ изложенія науки и о свѣдѣніяхъ и способностяхъ учениковъ“ (Соч. т. II. стр. 340).

Преподаватель, самостоятельный въ своихъ дѣйствіяхъ, свободный отъ произвола начальства, не связанный по рукамъ и по ногамъ предписаніями и циркулярами, будетъ тѣмъ самымъ поставленъ и въ лучшія отношенія къ ученикамъ. Онъ будетъ внушать больше довѣрія къ себѣ, — а это необходимое условіе успѣха преподаванія. Въ школѣ все должно быть основано на нравственномъ довѣріи и уваженіи. Если самъ попечитель округа, по выраженію Пирогова, является не столько начальникомъ, сколько миссіонеромъ, который не приказываетъ, а убѣждаетъ; то тѣмъ болѣе убѣжденіями

долженъ дѣйствовать преподаватель. Но убѣжденіе возможно лишь при наличности довѣрія и уваженія къ убѣждающему. Преподаватели-чиновники, дѣйствующіе механически по строго опредѣленнымъ, не ими лично, плану и программамъ, не могутъ, конечно, внушать къ себѣ довѣрія, какъ къ личности. Какъ могутъ они убѣдить учениковъ дѣлать дѣло „за совѣсть“, когда сами дѣлаютъ его „за страхъ“? Такія личности могутъ только приказывать, но и должны будутъ довольствоваться только формальнымъ исполненіемъ приказанія, — не больше! Но это уже не будетъ воспитаніемъ человѣка, а выучка исполнять приказанія, — о живомъ дѣлѣ рѣчи уже быть не можетъ.

Съ такими идеалами, съ такими взглядами на педагогическую дѣятельность вступалъ Пироговъ на педагогическое поприще. Это не были его теоретическіе лишь взгляды. Пироговъ былъ личность цѣльная, — у него слово и дѣло не были въ разладѣ. Онъ не высказывалъ только свои взгляды, а проводилъ ихъ и въ жизнь. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ, выражаясь его же словами, миссіонеромъ принципа неприкосновенности, уваженія и довѣрія къ личности и свою дѣятельность, какъ попечителя учебныхъ округовъ, онъ основывалъ на нравственномъ довѣріи и уваженіи къ личности. Онъ не приказывалъ, какъ начальникъ, а убѣждалъ. Прощаясь съ кіевскимъ округомъ, уходя съ педагогическаго поприща, онъ былъ правъ, когда говорилъ: „Ученье и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ, но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою“ (Соч. т. II. стр. 438). Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ . . . Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать . . . Кто не забылъ свою молодость и

изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ-ли я иначе за него взяться, когда помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя тогда меня одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ . . . Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще; зналъ, наконецъ, и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣньи и въ гоньбѣ за популярностью; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить (Соч. т. II. стр. 433—435).

Я кончилъ. Моею задачею не было представить полное, систематическое изложеніе взглядовъ Пирогова; я даже затронулъ не всѣ вопросы, которыхъ касался Пироговъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ. Я ставилъ себѣ задачею лишь показать, какой принципъ считалъ Пироговъ необходимымъ для педагога и какимъ онъ самъ руководился въ своей педагогической дѣятельности. Можно, конечно, не соглашаться съ Пироговымъ относительно его частныхъ взглядовъ, можно возражать противъ его рѣшеній отдѣльныхъ педагогическихъ вопросовъ; — Пироговъ не былъ педагогомъ по профессіи; въ его взглядахъ, въ его статьяхъ можно найти и увлеченія, и крайности. Но это былъ „человѣкъ“ въ полномъ смыслѣ

этого слова и въ высшей степени владѣлъ тѣми основными свойствами, безъ которыхъ, въ сущности, немыслимъ педагогъ. Онъ убѣждалъ любить и уважать дѣтство, а не распоряжаться имъ безконтрольно. Онъ проводилъ мысль о взаимномъ довѣріи и уваженіи учащихъ и учащихся, а это главное условіе успѣха воспитанія. Онъ убѣждалъ любить юношество и уважать его высокія и благородныя стремленія къ истинѣ и совершенству. Онъ проводилъ мысль, что въ педагогикѣ главное — убѣжденіе, а не приказаніе. Наконецъ, — и самое главное, — онъ былъ миссіонеромъ принципа уваженія человѣческаго достоинства и неприкосновенности личности. „Личность неприкосновенна и въ ребенкѣ, и во взросломъ.“ Это основное правило педагога, и въ устахъ Пирогова оно не было фразой. Онъ не только самъ лично проводилъ его въ жизнь, но и старался ввести его въ сознаніе тѣхъ, кто призванъ воспитывать будущее поколѣніе. Не его вина, если и теперь еще мы можемъ говорить только лишь о желательности всего этого. Пироговъ сдѣлалъ свое дѣло. Отъ своихъ современниковъ онъ получилъ справедливо названіе „человѣка“ и вполнѣ, я думаю, заслужилъ память и въ потомствѣ, заслужилъ то, что самъ онъ назвалъ „безсмертіемъ земли“.